

Макиавеллизм для Гынгуани

БАРКОВА А. ВОСЕМЬ ГЛАВ БЕЗУМИЯ. ПРОЗА. ДНЕВНИКИ. М.: ФОНД СЕРГЕЯ ДУБОВА, 2009. 512 С. ISBN 978-5-94177-011-3

*Александр Никулин**

Аннотация. На основе анализа главных событий жизни, а также тем и героев прозаических произведений и дневников поэтессы Анны Барковой предпринята попытка реконструкции ее политико-философского мировоззрения, в котором наследие Макиавелли и образ Фауста являются своеобразными ориентирами для постижения альтернатив человеческой истории.

Ключевые слова. Анна Баркова, коммунизм, либерализм, фашизм, массовая культура, макиавеллизм, антиутопия, социальная стратификация, интеллигенция, государство, свобода.

Автор этой книги Анна Баркова родилась в 1901 году в Иваново-Вознесенске. В ивановской периодике в годы революции и Гражданской войны стала печатать свои первые журналистские и поэтические произведения. В 1922 году был опубликован первый (и последний при ее жизни) поэтический сборник «Женщина». К этому времени Баркова обратила на себя сочувственное внимание таких интеллектуалов-эстетов, как А. Блок, В. Брюсов и А. Луначарский. Последний особо ей благоволил. Назвав Баркову лучшей советской поэтессой, нарком просвещения добился ее переезда из Иванова в Москву, определив секретарем в свое ведомство. Впрочем, он же ее и выставил оттуда в 1924 году за язвительные комментарии к тайнам кремлевского двора.

С середины двадцатых годов Баркова работала журналистом, печаталась в «Правде», журналах «Красная новь», «Красная нива», «Новый мир». Но вскоре ей пришлось писать в стол. В 1934 году Баркову за ее острый язык арестовали... В советских лагерях и тюрьмах она провела 1934–1939, 1947–1956 и 1957–1965 годы, а меж ними — ссылки, войны, немецкая оккупация, инвалидный дом. Вернуться в Москву ей удалось на склоне лет, в 1967 году. Умерла Баркова в 1976 году.

Жизнь поэтессы и на воле, и в неволе в основном была полуголодной-полунищенской, а ее личность могла бы послужить классическим прототипом для исследования «История неразумия в индустриальную эпоху» по мотивам знаменитой книги о безумии Мишеля Фуко.

К началу XXI века в России и за рубежом популярность Барковой стремительно возросла. В 2002 году увидело свет наиболее полное собрание ее стихов и прозы. В последние годы прошли российские и международные конференции, посвященные анализу ее творчества. Поэзию Барковой все чаще ставят в один ряд со стихами А. Ахматовой и М. Цветаевой. Безусловно, как у всякого великого поэта, большин-

* **Никулин Александр Михайлович** — кандидат экономических наук, руководитель Центра крестьяноведения Интерцентра, harmina@yandex.ru

© Никулин А., 2010.

© Центр фундаментальной социологии, 2010.

ство стихов Барковой гениальны, а проза, по преимуществу замечательная, менее известна читателям. Впрочем, если попробовать определить место Барковой среди других российских писателей XX века, то, пожалуй, она окажется где-то между Варламом Шаламовым и Веничкой Ерофеевым.

Дневники внучки подпольного человека

Фрагменты дневников Барковой за 1917, 1946–1947, 1956–1957 годы — это все, что пока удалось найти и напечатать из ее обширного дневникового наследия.

Дневник 1917 года представляет собой отрывок из так называемых «признаний внучка подпольного человека». 16-летняя гимназистка Баркова предпринимает попытку продолжить «Записки из подполья» от имени внука главного героя Достоевского. «Внук» оказывается похожим на «дедушку» и в целом достойным его. Он со страстью рассуждает о притягательности садизма и мазохизма, об удовольствии «ошарашивания невинности», об относительности истин, распадающихся в логических софизмах. Кроме самого Достоевского «внук» поминает восторженным словом Макиавелли и Цезаря Борджиа, ругает романтиков и сентиментальную добропорядочность, заявляет, что хотя Христа он любит и в бессмертие души верит, но в раю, должно быть, скучно, а с Мефистофелем общаться ему — безумцу и сладострастнику — интересно. На этом несколько страниц яростных подростковых излияний дневника 1917 года обрываются и начинаются фрагменты другого дневника — 1946–1947 годов.

Тридцать лет спустя Баркова, проживающая в разрушенной войной Калуге, в своих записях в основном анализирует собственную борьбу с нищетой и голодом, свое гадание на картах местным обывателям, послевоенные маневры большой политики и... проблему свободной личности. Приведем характерные отрывки из ее дневника:

«С утра я была голоднее собаки, ничего не лезло в голову. К вечеру вернулась язва-старуха, у которой я обитаю... поставила самовар, выпила я чаю с белым хлебом, появились мысли.

Просмотрела несколько номеров „Журнала Московской Патриархии“ (я почему-то все время читаю „психиатрии“) за 1943 г. Воззвания, послания, соборы, молитвы „о Красной Армии нашей и богоданном вожде“. Чрезвычайно интересно. Православная церковь сделала замечательно ловкий политический шаг... Вспоминается все что угодно, кроме Евангелия. И Макиавелли, и орден иезуитов, и учебники дипломатии, все самое мирское и соблазнительное... Почему для меня с некоторых пор так мертво звучат всяческие изъявления верований, всяческие проповеди? Во что верю я сама? Ни во что. Как можно так жить? Не знаю... Это и называется путешествие на край ночи... Иногда мне хочется бросить карты в лицо клиента, по-чеховски заплакать и сказать: „Какого черта вам надо? Гадать я не умею, и провалитесь вы все в преисподнюю“... Пожалуй, все-таки наиболее свободным из людей был Диоген в своей бочке... Вот! Был единственный свободным — Пушкин».

Записи Барковой 1956–1957 годов содержат пронизательные соображения о «гендере», нациях, экологии, идеологиях современных и древних, о писателях русских и зарубежных, и, конечно, все эти рассуждения перемежаются черно-юмористическими зарисовками ее хождения по мукам советского быта и бюрократии.

Это время было чрезвычайно творчески плодотворным в жизни Барковой. Ей не удалось устроиться жить в Москве (ее освободили из заключения, но не реабилитировали), и в начале 1957 года она уехала в поселок Штеровка Ворошиловградской области, где принялась взахлеб сочинять разнообразную прозу: рассказы, повести, наброски романов. По мрачной иронии судьбы, когда к ней на Украину наконец пришло из Москвы долгожданное известие о реабилитации, ее тут же вновь арестовали местные органы госбезопасности по доносу соседки, сообщившей, что Баркова слушала западные радиоголоса. В конфискованных рукописях ворошиловградские чекисты обнаружили умопомрачительную антисоветчину. Как результат — определили ей новый долгий срок лагерей.

Из этого штеровского периода творчества в книге прежде всего обращают на себя внимание три повести: «Восемь глав безумия», «Как делается Луна», «Освобождение Гынгуани». Повести являют собой весьма своеобразные детективные антиутопии с лихо закрученными макиавеллистскими сюжетами.

«**Восемь глав безумия**» сочинены от имени автора, который, проживая в украинской сельской глубинке, знакомится с чертом, с современным Мефистофелем в обличье бывшего советского служащего, бухгалтера на пенсии, удящего рыбу в местном пруду. Через общение с чертом сама рассказчица превращается в некоторое подобие Фауста (в «Фаустину»?!). Черт и «Фаустина» ведут меж собой пространные беседы, иронизируя над окружающей действительностью. Черт вспоминает, как он общался с министром сталинской госбезопасности и самим Адольфом Гитлером, предлагает совершить автору путешествие во времени и пространстве, «Фаустина» соглашается. Вместе они побывали у постелей двух умирающих от лучевой болезни физиков-атомщиков: американца в Филадельфии и русского на Кавказе. Потом отправились в будущее, в его альтернативные варианты — либерально-демократический и милитаристско-коммунистический миры. Потом опять вернулись в настоящее и поприсутствовали, невидимые, на переговорах двух лидеров коммунистического и капиталистического миров. Оба путешественника подавлены увиденным настоящим и будущим до депрессии. Черт уверяет «Фаустину», что ничего в этом мире изменить нельзя, что куда ни ткнишь — везде торжествует победу глобальная пошлость, от которой тошно даже ему, черту, и с которой он не знает, как сладить, лишь сам опошляется, превратившись в отставного бухгалтера. «Фаустина», с горечью соглашаясь, что пошлость торжествует, тем не менее заявляет, что от увиденного — через предсмертное отчаяние двух физиков-современников, будущее недовольство радикального интеллектуала в либеральном обществе, неистребимость таинственного вещества «индивидуалин» в коммунистическом обществе — у нее остается некая надежда на выход из всемирно пошлого тупика человеческой истории.

«**Как делается Луна**» фактически также рассказывается от имени самой Барковой, вернувшейся в середине 1950-х в Москву из лагерей, безуспешно добивающейся реабилитации, жилья и работы. Она обращается за помощью к другу своей юности журналисту Основину, образцовому бойцу советского идеологического фронта, который делал в 1930-е успешную карьеру, а во время войны был изувечен взрывом немецкого фугаса. Полупарализованный и ослепший публицист живет, подобно писателю Корчагину, на полном гособеспечении в просторной квартире с ухаживающими за ним

сиделками, диктуя им свои патриотические тексты и являясь образцовым советским героем для встреч с международными делегациями. На самом деле Основин не так идеологически прост. Побеседовав с писательницей, он решает ввести ее в круг высокопоставленных партийных заговорщиков, планирующих свергнуть существующий ортодоксальный режим и предоставить Советскому Союзу, а также его сателлитам широкую свободу политического, экономического и духовного выбора. Баркова становится секретарем у одного из «серых кардиналов» этого заговора, присутствует при судьбоносном аресте заговорщиками своих политических противников в начале успешного государственного переворота. Главный вопрос, который интересует и Баркову, и заговорщиков: как народ отнесется к перевороту, какой будет его реакция. Финал повести дает ответ: да никак! Простые люди настолько измучены и запуганы предшествующими десятилетиями социальных катаклизмов и репрессий, что, получив известие о произошедшем событии, традиционно стараются или безмолвствовать, или горько-цинично отщучиваться. Впрочем, и молчаливики, и шутники одинаково заклинают: «Лишь бы не было войны!»

«**Освобождение Гынгуании**» рассказывает о вымышленной экзотической, маленькой и нищей африканской стране с населением в семь тысяч человек, недавно свергнувшей власть белых колонизаторов и собирающейся строить социализм. Политическая элита этой страны, состоящая из нескольких более-менее образованных руководителей-министров, обсуждает подготовку к встрече делегации из стран социалистического лагеря. Меж министрами существуют явные и тайные противоречия, которые прорываются в бурных дискуссиях о соотношении национальной и мировой культуры, прогрессизма и традиционализма, значении расизма, ксенофобии и т.д. От дискуссий некоторые министры переходят к действию, организуя заговоры друг против друга. В головокружительно стремительной и кровавой развязке повести побеждает самый умный, циничный и сострадательный министр. Он полагает, что весь мир — это сплошная Гынгуания — дикая и жестокая. Впрочем, в развитых странах она прикрыта гуманистическим флером так называемой европейской культуры. А его маленькая Гынгуания — самая дикая и одновременно самая детская страна в мире, и ее необходимо спасти от коварства более могучих и цивилизованных Гынгуаний.

Уничтожив всю немногочисленную политическую элиту страны, министр уводит свой убогий народ в неизвестном направлении, подальше от фетишей как местной, так и мировой культуры, чтобы начать народную жизнь сначала. В финале повести социалистическая делегация прибывает на безлюдное пепелище, потаившейся от всего мира Гынгуании.

Макиавеллизм по-барковски

Барковой в наше время стали приписывать особо пророческие политико-философские способности. Утверждается, например, что своими повестями она предсказала угрозу экологического кризиса, распад СССР, наступление идеологии постмодернизма, торжество глобальной массовой культуры, роковые противоречия между богатым Севером и нищим Югом и т.д. Может, это и так, а может, все слишком преувеличивается — почти у любого более-менее самостоятельного писателя-

мыслителя последних двух веков можно вычитать ряд сбывшихся тревожных предчувствий. Сама Баркова к своим предсказаниям — как по игральным картам, так и по картам политическим — относилась достаточно иронично. А в пронизательной критике культуры она опиралась на пророческое наследие таких любимых ею писателей, как Н. Гоголь и Ф. Достоевский, А. Франс и Т. Манн.

В чем Баркова действительно представляется чрезвычайно оригинальной, так это в художественной разработке темы бунтующего макиавеллизма, стремящегося переделать социальную структуру общества в новые неведомые формы. В связи с этим поэтесса выдвигает собственную концепцию социальной стратификации человечества.

Нижнюю ступень стратификации составляют народные массы и толпы, вечно претерпевающие манипуляции с верхних этажей социальной иерархии. По отношению к массам у Барковой нет ни претензий, ни надежд. К массам поэтесса относится в целом безразлично-снисходительно. В них слишком много малообразованных, грубых и тупых людей, которых она терпеть не могла. С другой стороны, отмечает Баркова, простые люди толпы порой столь душевно невинны и героически терпеливы, что не слишком далеко уходят от первобытного мира Адама и Евы, и хотя бы за это заслуживают уважения и сострадания. Примечательно, что в одном из своих литературоведческих эссе Баркова расправилась с Иваном Буниным по нескольким пунктам, один из которых — уничижительные отзывы Бунина о «мужичке». «Декадентка» Баркова сама была от «мужичка» не в восторге, но тем не менее не терпела глумления над ним.

А вот следующий социальный уровень был излюбленным объектом социальной критики Барковой. Непосредственно над трудящимися физически и обслуживающими находится надстройка представителей интеллектуального труда: от бухгалтеров и инженеров до преподавателей и журналистов. Они пообразованней, зарабатывают побольше, живут почище, у них иногда выдается время подумать о смысле жизни и всемирной истории. Но именно мир «средних классов» — клерков умственного труда — оказывается, по мнению Барковой, экономически продажным и идеологически беспринципным. Баркова презирала советскую интеллигенцию за приспособленчество к господствующей идеологии. Ее сатирический рассказ «Счастье статистика Плаксюткина» является безжалостной издевкой над образом маленького российско-советского человека-чиновника.

Над интеллигентскими слоями возвышаются собственно политические элиты — люди власти. Среди них Баркову интересуют не столько сами по себе министры и генералы, сколько так называемые «серые кардиналы», а среди них в особенности личности, осененные духом макиавеллизма. Иногда Баркова с симпатией высказывает надежду, что подобные политические фигуры героически самозваным образом могут узурпировать власть и направить жизнь своего народа в какое-то принципиально новое, не всемирно пошлое, русло. И хотя Баркова отрицательно, до омерзения, относилась как к Сталину, так и к Гитлеру, считая их очередными вождями всемирной пошлости, но, например, по отношению к коммунистам Ленину и Калинину или фашистам Рему и Роммелю у нее иногда проскальзывают нотки любопытствующего сочувствия. Безусловно, этот пророчески популистский макиавеллизм Барковой

чрезвычайно уязвим для критики. И мы могли бы заметить, что опять же в карикатурном виде в наше время чаемый Барковой макиавеллизм в некоторой степени воплотился в фигурах ряда популистских вождей стран третьего мира.

В заключение подчеркнем, что, на наш взгляд, антиутопические тексты Барковой — сочинения своеобразных рецептов макиавеллизма для Гынгуани — являются одним из оригинальных, но все же не основных и не главных направлений ее литературно-философских исканий. Неизмеримо выше и глубже любого социально ориентированного макиавеллистского заговора в мировоззрении Барковой находится повседневное творчество человеческой индивидуальности, имеющей право жить и существовать, руководствуясь собственной свободой воли, вплоть до личного бунта против окружающего социума.